ISSN 0130 1640
www.znanie-sila.su

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» *(F. Bacon)*

8/2020
6+

Декоративное

Красота пользы
и польза красоты

8/2020 В НОМЕРЕ

4 **ГЛАВНАЯ ТЕМА**

Под сенью муз
Знакомство с историей усадьбы Абрамцево способно убедить, что именно там, в дружеском кругу единомышленников, рождалось многое из того, без чего немыслимо искусство XX века и что сохраняет свое значение по сей день.

5 *Катерина Груздева-Трамич, Светлана Арутюнян*
«Красота пользы и польза красоты» усадьбы Абрамцево

14 *Анна Кречетова*
Путь художника-культуртрегера

20 *Катерина Груздева-Трамич*
Терем, построенный художником

26 *Мария Нащокина*
«Направленность на созидание — один из уроков Абрамцева»
Уникальность усадьбы Абрамцево во многом определяется личностью Саввы Ивановича Мамонтова.

36 **НОВОСТИ НАУКИ**

38 **ACADEMIA: РАЗГОВОР С УЧЕНЫМ**

Эрик Галимов
«Оледенения и мы с вами неразрывно связаны между собой»
Беседа с академиком РАН Эриком Михайловичем Галимовым об истории Земли, глобальных оледенениях и их связи с возникновением жизни на нашей планете.

44 **КОСМОС: РАЗГОВОРЫ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ**

Павел Шубин
«Венера-7»: ниже багровых туч
50 лет назад впервые земной аппарат опустился на поверхность Венеры.

48 **БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ**

50 **ОТЕЧЕСТВА СЛАВНЫЕ ДАТЫ**

Владимир Котляков
«Изучение «родной земли и людей, ее обитающих»
Русскому географическому обществу — 175 лет. О его истории и современной жизни рассказывает почетный президент РГО Владимир Михайлович Котляков, географ и гляциолог, академик РАН, научный руководитель Института географии РАН.

59 **ПОРТРЕТ УЧЕНОГО**

Анна Дегтярева
Игорь Тамм
И. Е. Тамм, выдающийся физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии по физике.

66 **ЛАВКА ДРЕВНОСТЕЙ**

68 **75 ЛЕТ ПОБЕДЫ**

Александр Храмчихин
Война СССР с Японией
Только в ходе этой войны нам удалось реализовать предвоенный лозунг: «Бить врага малой кровью на его территории».

8/2020 В НОМЕРЕ

74 **РАЗМЫШЛЕНИЯ К ИНФОРМАЦИИ**

Борис Жуков
Призрак «папиных митохондрий»

76 **ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЦИНЫ**

Александр Волков
Сыворотка против дифтерии

79 **У СОЛОВЕЦКОГО КАМНЯ**

Александр Волков
Шубников из расстрельного УФТИ

82 **В ГЛУБЬ ВРЕМЕН**

Александр Голяндин
Эффективный римский менеджер

Этому Римскому императору принадлежит фраза — «Деньги не пахнут!»

86 **ЛАБИРИНТЫ ИСТОРИИ**

Марианна Сорвина
Республика Красоты

95 **ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ**

96 **АЛХИМИЯ СЛОВА**

Евгений Лесин
«Я, убивший тебя под Моздоком...»

Военная поэзия — эмоции, страхи, переплавленные в слова. У каждого своя война. Каждый живет и умирает один раз. Читатель живет и умирает вместе с каждым пишущим о войне

103 **ВО ВСЕМ МИРЕ**

105 **СЛОВА И СМЫСЛЫ**

Алексей Вырский
Гость из космоса или Человек эпохи Возрождения

Творчество А. П. Казанцева вызывает противоречивые эмоции у читателей: одни считают его одним из основателей отечественной фантастики, другие пренебрежительно называют «фантастом ближнего прицела».

112 **СТРАНА ФАНТАЗИЯ**

Артем Татаринов
Продуктопровод

114 **МИР ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА**

Ангела Воробьева
Камчатка — начало России

123 **ЮБИЛЕИ КРУГЛЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ**

127 **ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ**

Под сенью **муз**

Подмосковный музей-заповедник «Абрамцево» вступает во второе столетие своего существования — в августе мы отмечаем юбилей. 100 лет. Но это лишь в статусе музея. В качестве усадьбы это место, расположенное в шестидесяти километрах к северо-востоку от Москвы, известно с середины XVIII века, а уже в следующем столетии Абрамцево, благодаря своим замечательным владельцам и обитателям, становится одним из важнейших центров культурной жизни России.

Вспоминая историю Абрамцева и людей, жизнь которых связана с ним, участники нашего сегодняшнего разговора, похоже, сходятся во мнении, что именно здесь, в небольшой усадьбе на берегу речки Вори недалеко от Сергиева Посада, в качестве частной инициативы и в дружеском кругу единомышленников рождалось многое из того, без чего немыслим XX век — и что сохраняет свое значение по сей день.

В усадьбе Абрамцево работали и отдыхали Василий Поленов, Илья Репин, Виктор и Аполлинарий Васнецовы, Михаил Врубель, Исаак Левитан, Константин Коровин, Михаил Нестеров, Валентин Серов. Там регулярно бывали Федор Шаляпин, Константин Станиславский, Мария Ермолова. Какое соцветие славных для отечественного искусства имен! И можно сказать, что незримые ниточки тянутся от Абрамцево к удивительно живописным местам — примерно в ста тридцати километрах от Москвы и в восьмидесяти километрах от Тулы, где расположена усадьба Поленово, тоже давно ставшая музеем-заповедником. И в Москву — туда, где неподалеку от спорткомплекса «Олимпийский», на месте прежней Троицкой слободы, находится давно ставший музеем дом выдающегося русского художника Виктора Михайловича Васнецова. Обитатели этих усадеб словно бы вернулись в эпоху Возрождения когда художники выступали и как скульпторы, и как архитекторы: Поленов сам определил облик создаваемой им усадьбы, а Васнецов участвовал не только в создании церкви в Абрамцево, но и своего сказочного дома. Абрамцево — это увлекательный рассказ о прошлом, о том, как один человек может повлиять на творческие судьбы многих людей. Но Абрамцево — это не только о прошлом. Это о настоящем и будущем.

Катерина **Груздева-Трамич, Светлана Арутюнян**

Главный усадебный дом

«Красота пользы *и* польза красоты» *усадьбы* Абрамцево

Живописная местность Абрамцево, находящаяся на окраине Московской области в Сергиево-Посадском районе, впервые упоминается в исторических документах, а именно на страницах писцовых книг XVIII века, как хутор Абрамцево. Начиная же со второй половины XIX столетия, Абрамцево навеки входит в хронику истории культуры — после того, как в 1843 году эту усадьбу приобретает выдающийся писатель, литературный и театральный критик Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859). При нем в течение пятнадцати лет бывший хутор превращается в один из чудеснейших островов культурной жизни российского общества.

Здесь, в гостях у Сергея Тимофеевича, оказывались писатели Михаил Николаевич Загоскин, Николай Васильевич Гоголь, Иван Сергеевич Тургенев, а также — актер Михаил Семенович Щепкин, поэт Федор Иванович Тютчев, историки Михаил Петрович Погодин и Тимофей Николаевич Грановский... Из-под пера же самого Аксакова

И. Е. Репин
Портрет Саввы Мамонтова

в Абрамцевской усадьбе явился миру ряд произведений, хрестоматийных нынче: «Записки ружейного охотника», «Записки об уженье рыбы», «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Литературные и театральные воспоминания» и прочие.

Однако вскоре жизнь усадьбы перетекает из литературных «вод» в художественные: в 1870 году Абрамцево приобретает фабрикант, купец и знаменитый меценат Савва Иванович Мамонтов (1841–1918). При нем, любителе и покровителе искусств, здесь начинается расцвет художественной жизни.

В. А. Гартман. Мастерская

Что интересно и важно: семейство Мамонтовых сохранило кабинет писателя Аксакова, подчеркивая связь литературы и живописи, сознательно лелея первые ростки национально-романтической эпохи и ратуя за целостность родной культуры в ее особых, самобытных проявлениях. Да, во главе с отцом семейства Мамонтовы чтили особенный дух той, допетровской и родной Руси, которая жила без неуемных тщаний встроиться в культуру европейскую, жаждали вернуть высокому искусству народные традиции и совместить стихии ремесла, былого, самобытного, уходящего корнями в села и деревни, с академическими принципами интеллигентно-профессиональных сфер.

В усадьбе с самой середины 1870-х годов, на протяжении последующей четверти XIX века формировалось общество, впоследствии наименованное Абрамцевским художественным кружком. Сюда порой на целые три летних месяца, а иногда на более короткий срок съезжались музыканты и артисты, но главным образом художники — от мастеров до начинающих. В помещичье-демократической усадьбе работали и отдыхали великий мастер-передвижник, глашатай жизни простого народа Василий Дмитриевич Поленов (1844–1927) и его сестра, также художница, Елена Дмитриевна Поленова (1850–1898), другой выдающийся мастер живописи — народник Илья Ефимович Репин (1844–1930). А еще — изумительные художники, воспевавшие самобытную Русь — братья Васнецовы, Виктор Михайлович (1848–1926) и Аполлинарий Михайлович (1856–1933), ко всему прочему бывший искусствоведом; Михаил Александрович Врубель — сказочный, ни на кого не похожий (1856–1910), Илья Семенович Остроухов — ценитель, коллекционер и сам — пейзажист-художник (1858–1929). А также Исаак Ильич Левитан, гений «пейзажа настроения» (1860–1900); театральный художник и живописец Константин Алексеевич Коровин (1861–1939), Михаил Васильевич Нестеров, обретший славу как художник-стилизатор русских былин и русской национальной поэтики (1862–1942), Валентин Александрович Серов — тончайший живописец, гений русского психологического импрессионизма (1865–1911). Абрамцево вдох-

Фрагмент деревянного строения в усадьбе

В. М. Васнецов Избушка на курьих ножках

И. П. Ропет Крыльцо бани

новляло скульптора-реалиста Марка Матвеевича Антокольского (1843–1902), скульптора и художника Павла Петровича Трубецкого (1866–1938), скульптора, искусствоведа Александра Терентьевича Матвеева (1878–1960). Кроме мастеров художественных искусств, это сказочное место повлияло на великого певца Федора Ивановича Шаляпина (1873–1938), на театрального режиссера Константина Сергеевича Станиславского (1863–1938), на драматическую актрису Марию Николаевну Ермолову (1853–1928). Однако если речь идет о мамонтовском художественном кружке, более известном по названию местности, то речь, безусловно, в первую очередь о знаменитых художниках — живописцах и графиках, успешно пробовавших силы в архитектуре и убранстве усадьбы, и просто обсуждавших целый круг проблем культуры и искусства.

Церковь Святого Спаса Нерукотворного.

В каком-то смысле о рождении сообщества мы можем говорить, упоминая встречу и начало дружбы Мамонтова с Антокольским, Поленовым, а заодно и с братьями из рода Праховых — историком искусства Адрианом Викторовичем Праховым (1846–1916) и его старшим братом, историком, филологом и переводчиком Мстиславом Викторовичем Праховым (1840–1879). Встреча этих интереснейших людей случилась в 1872–1873 годах в Италии, в Риме. Объединило их во многом недовольство состоянием общественной, культурной жизни современной им России... и вера в то, что силою искусства возможно изменить жизнь общества.

А личность Мамонтова сделалась катализатором движения идей. Он был импровизатором; его купеческое происхождение и далекое, казалось бы, от сфер искусства юридическое образование с лихвою компенсировались «театральными» способностями увлекаться и увлекать других. Помимо этого, купец из города Ялуторовска Тюменской области Сибири неплохо пел и даже писал пьесы. А кроме этого он пробовал себя в скульптуре. Сам себя Савва окрестил волшебным словом «эллин», а окружающие называли его еще изысканнее — московским Медичи. И многие усматривали в его персоне покровителя окрыляющую роль вдохновителя.

В его имении сформировалась вправду сказочная атмосфера творчества. Главенствующая в кружке идея самобытности культуры, всеобновляющейся и гуманной, задачи сверхэстетики — все было призвано соединиться с реалиями общества, причем не через обличение, как предлагали передвижники, а через добро и красоту.

Идейным установкам в Абрамцево стремилась подчиниться для начала жизнь самих художников. Вместе с тем абрамцевский кружок не выработал ни специального устава, ни четкой творческой программы. Все происходило главным образом под сенью двух понятий — простых, фундаментальных, подобных дню и ночи, северу и югу, жене и мужу, взаимообратимых и взаимодополняющих: «Красота пользы и польза красоты». Домашняя эстетика и настроение уюта соседствовали с атмосферой духа, и всех соединяла зрелая мечта о «новом типе жизни».

Раз речь зашла о принципе главенства впечатлений в живописи, надо обозначить и естественность намерений исследователей искусства узреть в Абрамцеве подобие Парижского предместья Аржантёй, в котором в те же годы работал и развивался союз французских импрессионистов. В определенной степени мы можем говорить о сходстве социокультурных ситуаций, когда художники, ища притоков свежего, живого вдохновения, «коммуной» выезжали на природу. Но важно видеть и различия российской и французской практик: главное различие свелось к тому, что коллективное сознание художников усадьбы Мамонтова предельно совпадало с задачей, которая впервые вызрела во всем российском обществе — задачей поиска народных оснований культуры. Перед другими европейцами задача обретения себя и своего национального лица в искусстве так остро не стояла.

Художник Виктор Васнецов в абрамцевских лесах увидел ряд своих картин на темы русских сказок, а сообща с Василием Поленовым он спроектировал шедевр зодчества — все в этой же усадьбе. Прекраснейшая церковь Святого Спаса Нерукотворного строилась в 1880–1882 годах. Историк и художественный критик В. Я. Курбатов позже размышлял о храме так: «В чем же отличия этой постройки? В том, что она была задумана с восторгом строителем, для которого храмы Новгорода, действительно, казались совершенными вещами. Он и старался достичь их красоты, воздерживаясь при этом от комбинирования заимствованных с них форм. Неорусский (а не псевдорусский) стиль появился с того момента, когда русский художник с восторгом посмотрел на зодчество Москвы, Новгорода и Ярославля».

Церковь усадьбы Мамонтова во многом предвосхитила период цар-

К. А. Коровин. Пейзаж с сараем

И. Э. Грабарь. Лучезарное утро

ствования неорусского стиля. Роль Васнецова, ведущего проектировщика, сравнима с ролью Виктора Орта, бельгийского зодчего, определившего векторы архитектуры модерна. И наш соотечественник, Виктор Михайлович, сделался прародителем уникального направления в зодчестве.

До создания церкви в Абрамцеве русские архитекторы не обращались к средневековым постройкам Пскова и Новгорода и не видели в них эталонов высокой эстетики, а Васнецов и сподвижники — как мастера Ренессанса постройками Древнего Рима — искренне вдохновились мощью наследия древнерусского Севера и вдохновились так, что, будучи вовсе не зодчими, а живописцами, графиками — решились на смелый проект церковного здания. Тот полуспонтанный творческий акт, по сути, перекликался с характером возведения храмов в эпоху Средневековья и в результате обусловил своею спонтанностью впечатление рукотворности. Крайне важно: работа души в проекте имела гораздо больше значения, нежели рациональный подход.

Сам Васнецов писал: «Церковь кончена, освящена в Спасов день. Веселье, радость! Чувствуется: что-то сделано, что-то создано живое! Теперь любопытные ездят в Абрамцево смотреть нашу маленькую, скромную, без показной роскоши, церковь».

Органичность, естественность силуэта здания и убранства его, включая детали скульптурные, живописные, керамические — сделали храм непохожим на то, что творилось тогда же в Москве архитекторами со стажем. Все они обращались к деталям древнейшей русской архитектуры с умом, осторожностью, вплетая их в общий контекст эклектики и сопрягая с деталями классицизма и достижениями технической мысли. Рассмотреть хотя бы объем и скупую орнаментальную графику стен Исторического музея. Ведь здание также построено

в заключительной четверти в целом академического XIX столетия. А церковь Спаса Нерукотворного при всей ее миниатюрности и деликатной вписанности в ландшафт усадьбы отобразила монументальность исконной, нерафинированной Руси.

Замечательный исследователь архитектуры М. В. Нащокина на рубеже XX и XXI веков предельно точно отмечала: «Это во многом и обеспечило небывалый успех абрамцевского эксперимента. Работа над архитектурным проектом церкви состояла не столько в подборе и аранжировке подходящих древнерусских деталей, сколько в поисках общей узнаваемой национальной выразительности».

Искусствовед Е. А. Борисова рассматривала деятельность Абрамцева в сравнении с Британией: «Архитектурное творчество мастеров (Абрамцева) опережало по художественным результатам реальную практику современной им архитектуры, играя в процессе стилеобразования роль не меньшую, чем та, которую эстетические поиски моррисовского художественного кружка имели для дальнейших судеб английского искусства».

Итак, с абрамцевского храма начался национальный «неорусский» стиль в архитектуре. Однако стоит забежать вперед, признав: впоследствии такую степень неподдельности почти и не увидим. Васнецову и самому удастся сгенерировать ее еще в проекте дома-мастерской, своей же, в Москве, и все, пожалуй. Часовня-усыпальница усадебных владельцев, Мамонтовых, пристроенная к северной стене чудесной Спасской церкви десять лет спустя, уже не лишена изломанной нарочитой стилизации первичных древнерусских форм. Другие архитекторы тоже часто поддавались соблазнам стилизаторства.

При Мамонтове в «ищущем» Абрамцеве построили «Избушку на курьих ножках» — рядом с храмом и сразу после него, на следующий год. Миниатюрная изба возведена из крупных бревен «в обло» и с соблюдением строительных традиций деревенских плотников. Она, конечно, сказочна — за счет размеров материала при невеликости объема строения.

Кроме всего, в усадебных границах явились миру баня-теремок (1877–1878) по проекту архитектора Ивана Павловича Ропета, а еще раньше — мастерская (1873), русско-сказочное творение Виктора Александровича Гартмана.

Неутомимый Васнецов создавал здесь и живописные полотна: «Аленушка», «Богатыри», «После побоища Игоря Святославича с половцами»... На полотне «Аленушка» виден абрамцевский пруд, а в его же работе «Иван-царевич на сером волке» запечатлен приусадебный лес.

Репин именовал Абрамцево «лучшею в мире дачей» и в 1883 году писал тут этюды к картине-эпосу «Крестный ход в Курской губернии». Поленов нашел в природе Абрамцева «типично русский пейзаж», а Врубель и молодой Серов писали в усадьбе Мамонтова натурщицу в ренессансном духе. Таков был диапазон «коммуны». Четыре года спустя на веранде главного дома усадьбы Серовым создана первая удивительная «страница» русского импрессионизма — портрет Веры Мамонтовой или «Девочка с персиками». И художник Коровин свое дарование декоратора продемонстрировал в первый раз именно в местном оперном театре, где, кстати же, пел Шаляпин.

Так в мамонтовском Абрамцеве происходили обширные поиски новых, живых форм видения мира, культуры, народного творчества. Не оставили в теневой стороне и стихию декоративно-прикладного искусства. После периода длительного его запустения, русскими светскими мастерами делались эксперименты — естественно, с привлечением техник старинных ремесел Руси. Параллельно задумывались и впоследствии воплощались в городе монументальные росписи и мозаики. А в мамонтовской усадебной опере театрально-декорационная живопись силами творческого сотрудничества стала впервые в российской истории одним из примеров

искусства высокого, не ремесленного. Это заслуга все тех же Коровина, Врубеля, Васнецовых, даже Поленова и декоратора Александра Яковлевича Головина, старт мастерства которого дан был в Абрамцеве. Более позднее объединение «Мира искусства» с балетом Дягилева — в плане высот оформления действ — восприняло эстафету от театра Мамонтова.

Члены абрамцевского кружка надеялись, что совместная их работа способна подать пример — пример искусства универсального, словно в эпоху высокого Возрождения, где, кроме да Винчи, было немало личностей, работавших в разных сферах, готовых и спроектировать здание, и сделать скульптурную композицию, и написать картину... быть актером, мыслителем и так далее. В конце XIX столетия «ренессансное» стремление к появлению универсальных творцов прослеживается и в Англии — в творчестве поздних прерафаэлитов и в мастерских Морриса, о котором говорилось выше, — и во многих других странах.

Помимо исканий исконного древнерусского, наши художники видели и вбирали в Абрамцеве обыкновенную, современную им красоту среднерусской природы и душевное обаяние близких людей. Ценилась домашняя атмосфера, в которой высокая, искренняя, общекультурная универсальность сливалась с вопросами быта и пользы. Кустарные мастерские, возникшие тут, были и важным, органичным проявлением круговорота процессов: поднятия ремесла до вершин искусства и наоборот — служения вдумчивой красоты течению жизни.

По деревням собирали ремесленные изделия, чтобы иметь образцы для желанного воскрешения промыслов. Сборами в основном занимались Елена Мамонтова и Елена Поленова. В коллекции, кроме декора изб, оказались предметы посуды, одежды, старинные прялки. В этих вещах деятели Абрамцева видели красоту, не зависящую от исторических изменений. Тем не менее, цели копировать эти образцы у художников не было. Врубель, к слову о живописи, провозглашал: «Написать натуру нельзя и не нужно, должно поймать ее красоту». Эта идея распространялась и на предметы быта. В заново создающиеся изделия вкладывалась любовь к природе, чувство народной поэзии.

Создали две мастерские: столярную и керамическую. Столярную мастерскую в 1885 году возглавила Е. Поленова, она же и руководила процессом создания мебели по предварительным смелым эскизам членов кружка. В их эскизах-экспериментах соединялись мотивы традиционной русской резьбы, вышивки, росписи и эстетически-линеарные веяния ультранового стиля «модерн». В орнаментальных вязях использовались весёлые, радужные образы: солнце и месяц, жар-птица, ягоды земляники, подсолнечники, васильки.

Вдохновившись печными народными изразцами XVII столетия, Мамонтов вместе с технологом и художником Петром Кузьмичом Ваулиным устроил в усадьбе свою мастерскую керамики — в 1890 году. Главным художником в мастерской оказался Михаил Врубель, выполнивший ряд фантастических неординарных майолик. В 1896 году Мамонтов перевел мастерскую в Москву, расширив ее до завода, но в Москве он оставил заводу имя «Абрамцево». Заводские ворота украсили две майолики-маски «ливийского льва» врубелевской работы. Под началом Саввы Ивановича Петр Кузьмич Ваулин в совместном труде с архитектором из Британии Вильямом Валькотом по рисункам Головина и Врубеля выполнили панно для одного из прекраснейших зданий московского модерна — гостиницы «Метрополь».

Стилевые искания деятелей Абрамцева развивались под сенью единой идеи, но притом в различных направлениях, с вариациями. Спектр их осмыслений поэтики и стилистики русского народного творчества ценен — и сам по себе подтверждает искренность мастеров. Так, керамика Врубеля перекликалась с одной стороной фольклорной традиции, а мебель с резными ор-

наментами, задуманная Поленовой, созвучна другим ее сторонам.

В итоге у нас есть букет вариаций-модификаций стиля — от воссоздания традиционного орнаментального языка и до серьезной его трансформации в свежую эстетическую систему. Можно, глядя из наших дней, говорить об общем «неорусском» стиле, который — независимо от того, использовал он черты модерна или нет,— обращался к чертам типично русским. Но об абрамцевском «подстиле» как о самостоятельном явлении мы вправе говорить лишь с обязательным коротким резюме: он постоянно развивался, был почвой эдакого смешанного леса.

Что касается общественных преемников — сообществ абрамцевского микрокосма, то это «Мир искусства», которому сам Мамонтов оказывал моральную и материальную поддержку. В журнале «Мир искусства» пропагандировались начинания Абрамцева. Случались частные преемники: идеи самобытного развития культуры восприняла и претворяла в жизнь Мария Тенишева в собственном имении Талашкино.

А опыты в керамике, затеянные Мамонтовым и его друзьями, продолжились в артели «Мурава» в Москве — и под Петербургом — в мастерских Кикерино. Традиции абрамцевской столярной мастерской поныне развиваются в народном промысле резьбы по дереву в самом Абрамцеве и близлежащих селах, в деревне Кудрино. В соответствии с топонимами образовался специальный термин: «абрамцево-кудринская резьба».

В 1899 году Савва Иванович Мамонтов разорился и вынужден был прекратить меценатскую деятельность. Жизнь в усадьбе остановилась. Умер московский Медичи 24 марта (6 апреля по новому стилю) 1918 года. Похоронили, как желал, в часовне-усыпальнице при церкви Спаса, где ранее нашли покой его сподвижница-супруга, Елизавета Григорьевна, дочка их Вера, та самая «Девочка с персиками» Серова, «Аленушка» Васнецова, и сын Андрей, тоже художник. Старший из сыновей, Сергей, умер в Галиции, в Украине, еще до революционных событий.

Статус музея усадьба Абрамцево обрела фактически сразу же после свершения революции, в 1918 году. Часть усадебной территории заняли санаторием. Первым музейным руководителем сделалась дочь Саввы Ивановича, Александра, прожившая до 1952 года. Всеволод Саввич, на несколько лет пережив военные потрясения, отошел в мир иной в 1951 году.

В наши дни музей-усадьба раскрывает перед гостями целые богатства. В собрании музея — и живопись с иконами, и графика, печатная и рукотворная, и редкие книги, и рукописи с фотографиями, мебель и скульптура, изделия декоративно-прикладные: стеклянные, фарфоровые, металлические, коллекция роскошных изразцов XVII–XVIII веков.

Во времена Советского Союза художественная лирическая жизнь в абрамцевских краях не умолкала. Сейчас в так называемом «белом доме» — в корпусе, построенном в 1930-е годы,— коллекция работ участников объединения «Бубновый валет», отдыхавших здесь, в том числе Аристарха Лентулова, Роберта Фалька, других мастеров. Название экспозиции лаконично: «Абрамцево. Искусство XX века». Здесь бывал и Игорь Эммануилович Грабарь, знаменитый искусствовед, художник. А в мастерских Абрамцева — отдельные столярные и гончарные экспозиции. В соседнем городе, в Хотькове — музейный дополнительный отдел ремесел. Абрамцево, Хотьково — через поля, леса, железною дорогой, построенной стараниями Мамонтова — «стремятся» в Сергиев Посад и к Лавре — святому эталону великой русской красоты.

Из бывших мамонтовских, вечно сказочных владений Игорь Грабарь во второй половине XX века писал своему знакомому: «Вы увидали бы, какой у меня с третьего этажа моей дачи русский простор открывается — просто дух захватывает. Все лето занимался живописью...»